



Мидлмарч.

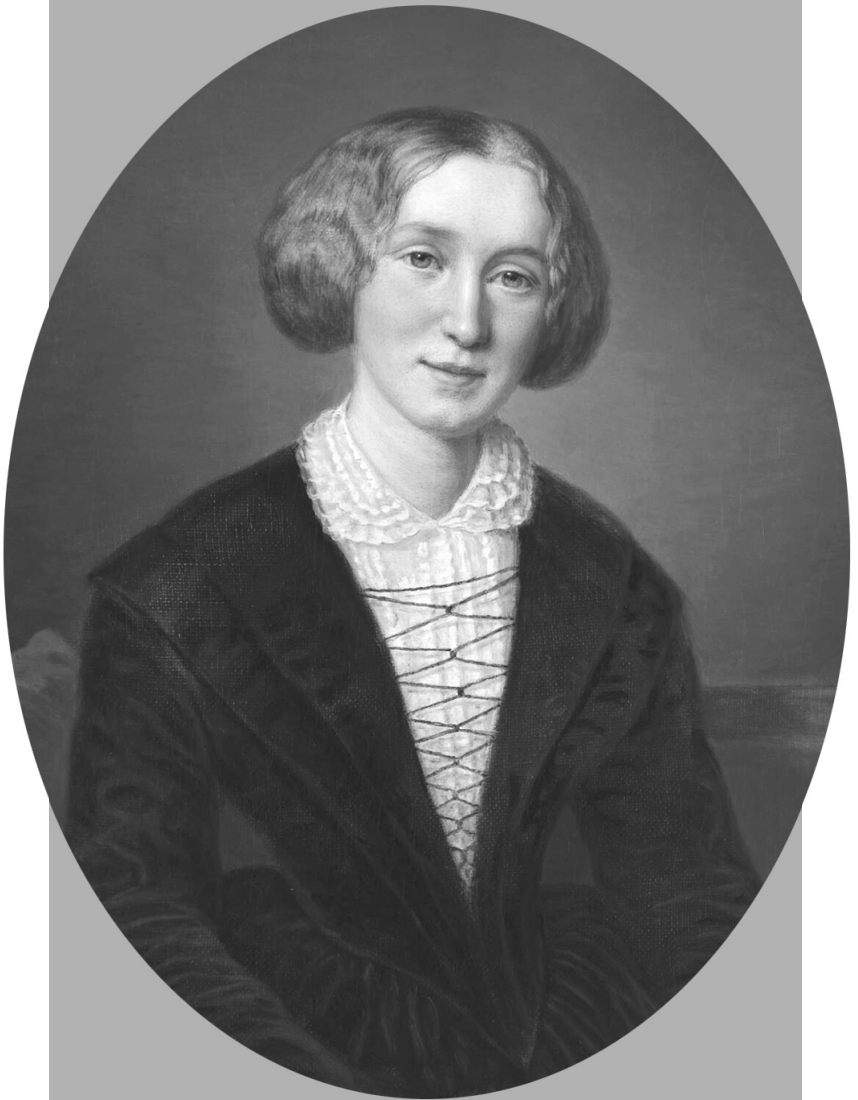
Том 1

Джордж
Элиот



Москва

Элегантная классика





Мидлмарч.

Том 1

Джордж
Элиот



Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Э46

George Eliot
MIDDLEMARCH. VOLUME 1

Перевод с английского и примечания *Ирины Гуровой*

Оформление серии *Яны Паламарчук*

Художественное оформление серии
Натальи Кауштыкиной

Элиот, Джордж.
Э46 Мидлмарч. Том 1 / Джордж Элиот ; [перевод с английского и примечания И. Гуровой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 464 с. — (Элегантная классика).

ISBN 978-5-04-206342-8

«Мидлмарч» Джордж Элиот — классика викторианской литературы, исследующая жизнь в провинциальном английском городке начала XIX века. Роман повествует о судьбах идеалистичной Доротей Кейсобон и амбициозного врача Лидгейта, чьи мечты и стремления сталкиваются с предрассудками, личными ошибками и ограничениями общества.

Умная, образованная Доротей Кейсобон, вышедшая за пожилого ученого-богослова, все больше разочаровывается в строптивом муже и все сильнее восхищается обаянием его бедного родственника Уилла... Блестящий молодой врач Лидгейт и не подозревает, что стал дичью, на которую ведет изощренную охоту юная красавица Розамонда... Брат Розамонды Фред, легкомысленный прожигатель жизни, все сильнее запутывается в долгах — и даже не замечает чувств доброй подруги Мэри Гарг...

Элиот мастерски раскрывает сложные характеры и поднимает темы любви, брака, социальной реформы и человеческой природы. «Мидлмарч» — это глубокий портрет эпохи, который остается актуальным и вдохновляющим до сих пор.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Гурова И.Г., перевод на русский язык, комментарии. Наследник, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-206342-8





ПРЕЛЮДИЯ

Тот, кто ищет узнать историю человека, постигнуть, как эта таинственная смесь элементов ведет себя в разнообразных опытах, которые ставит Время, конечно же, хотя бы кратко ознакомился с жизнью святой Терезы и почти наверное сочувственно улыбнулся, представив себе, как маленькая девочка однажды утром покинула дом, ведя за руку младшего братца, в чаянии обрести мученический венец в краю мавров. Они вышли за пределы суровой Авилы, большеглазые и беззащитные на вид, как два олененка, хотя сердца их воспламеняла недетская идея объединения родной страны — но затем их настигла будничная действительность в облике рассерженных дядюшек, и они вынуждены были отказаться от своего великого решения. Это детское паломничество явилось достойным началом. Страстная, взыскующая идеала натура Терезы требовала и искала подлинно эпического жизненного пути — что были ей многотомные рыцарские романы или светские успехи, венчающие красоту и ум? Ее пламя быстро сожгло это легкое топливо и, питаемое изнутри, устремилось ввысь на поиски некоего бесконечного восторга, некоей цели, которая не может приестся и позволяет примирить пренебрежение к себе и упоение от слияния с жизнью вне собственного «я». И она обрела свою эпопею в преобразовании монашеского ордена.

Конечно, эта испанка, жившая триста лет назад, была не единственной и не последней из подобных ей. Рождалось много таких Терез, которым не удалось найти для себя эпический жизненный путь, не удалось целиком отдаться живой и значительной деятельности. Быть может, уделом их становилась жизнь, полная ошибок, порожденных духовным величием, так и не получившим случая проявить себя, а быть может — трагическое разочарование и гибель, которые не обрели вдохновенного поэта и неведомыми, неоплаканными канули в небытие. В полутьме, в житейской путанице они пытались сохранять благородную гармонию между своими мыслями и делами, а пошлым глазам борьба их представлялась бессмысленными метаниями, ибо эти поздно родившиеся Терезы не находили опоры в устремлениях и надеждах всего общества, которые для пылкой души, жаждущей применения своим силам, заменяют знание. Их пыл искал выхода в служении какому-то неясному идеалу или отдавал их во власть чисто женских порывов, но первое объявлялось эксцентричностью, а второе беспощадно осуждалось как нарушение морали.

По мнению некоторых, причина этих беспомощных блужданий заключается в том, что Высшая Сила, создавая женскую натуру, не избегла неудобной неопределенности. Если бы существовал единый четкий уровень женской никчемности — например, способность считать только до трех, — общественный жребий женщин можно было бы оценивать с научной достоверностью. Но неопределенность существует, и пределы колебаний в действительности много шире, чем можно было бы подумать, судя по однообразию женских причесок и любовным историям как в стихах, так и в прозе, пользующимся неизменным успехом. Тут и там в утином пруду среди утят тоскливо растет лебеденок, который так никогда и не погружается в живой поток общения с себе подобными белокрылыми птицами. Тут и там рождается святая Тереза, которой ничего не дано основать, — она устремляется к недостижимой благодати, но взволнованные удары ее сердца, ее рыдания бесплодно растрачиваются и замирают в лабиринте препятствий, вместо того чтобы воплотиться в каком-нибудь деянии, долго хранящемся в памяти людской.



КНИГА ПЕРВАЯ

Мисс Брук

ГЛАВА I

Бессилен я, ведь женщина всечасно
К тому стремится лишь, что рядом.

*Бомонт и Флетчер,
«Трагедия девушки»*

Мисс Брук обладала красотой того рода, для которой скромное платье служит особенно выгодным фоном. Кисти ее рук были так изящно вылеплены, что ей пошли бы даже те столь далекие от моды рукава, в которых Пресвятая Дева являлась итальянским художникам, а ее черты, сложение и осанка благодаря простоте одежды словно обрели особое благородство, и среди провинциальных щеголих она производила такое впечатление, какое производит величавая цитата из Святого Писания или одного из наших старинных поэтов в современной газетной статье. О ней обычно отзывались как о чрезвычайно умной девице, но добавляли, что у ее сестры Селии здравого смысла куда больше. А ведь Селия одевалась немногим наряднее сестры, и только особенно внимательный взгляд мог бы подметить, что ее туалет не лишен кокетства. Дело в том, что простота одежды мисс Брук объяснялась рядом обстоятельств, большинство которых в равной степени воздействовало и на ее сестру. Немалую роль играла тут

сословная гордость: род Бруков, если и не знатный, несомненно был «хорошим»: заглянув на одно-два поколения назад, вы не обнаружили бы предков, которые ловко отмеряли материю или завязывали пакеты, — никого ниже адмирала или священника. А среди более дальних пращуров имелся даже «джентльмен-пуританин», служивший под началом Кромвеля, — однако впоследствии он поладил с монархией и после всех политических передраг остался владельцем прекрасного родового поместья. Вполне понятно, что девицы такого происхождения, проводившие жизнь в тихом деревенском доме и молившиеся в приходской церкви, менее просторной, чем иная гостиная, считали ленточки и прочую мишуру приличными лишь дочкам лавочника. Далее, в те дни люди, принадлежащие к благородному сословию и вынужденные экономить, начинали с расходов на одежду, чтобы не урезать суммы, необходимые для поддержания престижа семьи в более существенных отношениях. Этих причин и без каких-либо религиозных принципов было бы вполне достаточно, чтобы одеваться просто, однако, если говорить о мисс Брук, для нее решающими были именно религиозные принципы. Селия же кротко соглашалась со взглядами сестры, хотя и привносила в них тот здравый смысл, который помогает принимать самые возвышенные доктрины без излишней восторженности. Доротей знала наизусть множество отрывков из «Мыслей» Паскаля, а также из трудов Джереми Тейлора и, занятая судьбами рода человеческого, видевшимися ей в озарении христианской веры, полагала, что интерес к модам и нарядам достоин разве что приюта для умалишенных. Она не могла примирить борения духовной жизни, обращенной к вечности, с заботами о рюшах, оборках и шлейфах. Ее ум был теоретического склада и по самой своей природе жаждал неких высоких понятий о мире, непосредственно приложимых к приходу Типтон и к ее собственным правилам поведения там. Ее влекли горение и величие духа, и она опрометчиво увлекалась всем, что, как ей казалось, несло их печать. Она могла бы искать мученичества, затем отступить и все-таки принять мученичество, но вовсе не то, к которому стремилась. Разумеется, подобные черты характера у девушки на выданье препятствовали естественному ходу событий и мешали тому, чтобы судьбу ее, как это чаще всего бывает, решили краси-

вая внешность, тщеславие и щенячья привязанность. При всем том она, хотя была старше сестры, еще не достигла двадцатилетнего возраста, и обе они, оставшись сиротами, когда Доротее было двенадцать, воспитывались весьма bestолково, хотя и строго, сначала в английской семье, а потом в швейцарской в Лозанне — так их дядя, старый холостяк, принявший опеку над ними, старался возместить им утрату родителей.

Последний год они жили в Типтон-Грейндже у своего дяди, которому было теперь уже под шестьдесят. Человек мягкий и покладистый, он отличался большой пестротой мнений и некоторой зыбкостью политических убеждений. В молодости он путешествовал, и соседи полагали, что именно этому обстоятельству он и обязан вздорностью своего ума. Выводы, к которым приходил мистер Брук, были столь же труднопредсказуемыми, как погода, а потому можно утверждать только, что руководствовался он всегда самыми благими намерениями и старался расходувать на их осуществление как можно меньше денег. Ибо даже самые расплывчатые натуры всегда обладают одной-двумя твердыми привычками, и человек, нисколько не заботящийся о своих делах, ревниво оберегает свою табакерку от чужих посягательств, бдительно следя за каждым подозрительным движением и крепко сжимая ее в руке.

Но если наследственная пуританская энергия так и не пробудилась в мистере Бруке, она зато равно пылала во всех недостатках и достоинствах его старшей племянницы и нередко преображалась в досаду, когда дядюшка пускался в рассуждения, а также из-за его манеры «оставлять все как есть» у себя в поместье — в такие минуты Доротее особенно не терпелось поскорее достичь совершеннолетия, когда она получит право распоряжаться своими деньгами и сможет употребить их для всяческих благородных начинаний. Она считалась богатой невестой: ведь не только обе сестры получили в наследство от родителей по семисот фунтов годового дохода, но, кроме того, сын Доротей, если бы она вышла замуж и у нее родился сын, унаследовал бы поместье мистера Брука, которое, по слухам, приносило в год около трех тысяч фунтов — большое богатство в глазах провинциалов, все еще обсуждавших последнюю позицию мистера Пиля в католическом вопросе, не грезивших о грядущих золотых россыпях и понятия не имевших о плутокра-

тии, чья пышность вознесла на столь недостижимую высоту обязательные атрибуты благородного образа жизни.

Но что, собственно, препятствовало Доротее выйти замуж — такой красавице и с таким приданым? Да ничего, кроме ее любви к крайностям, кроме стремления жить согласно с понятиями, которые могли удержать осторожного поклонника от предложения ей руки и сердца или же побудить ее отвечать отказом всем женихам. Юная барышня благородного происхождения и с недурным состоянием, которая вдруг падает на колени на кирпичный пол у постели больного поденщика и возносит пылкую молитву, будто живет во времена апостолов! А то принимается поститься точно папистка и ночи напролет читает старые богословские трактаты! Такая жена вполне может разбудить вас рано поутру и радостно сообщить, что нашла новый способ распоряжаться своими доходами — способ, который идет вразрез с положениями политической экономии и не позволит держать верховых лошадей. Вполне естественно, что любой мужчина дважды подумает, прежде чем избрать подобную подругу жизни. Конечно, женщинам положены нелепые убеждения, но действовать исходя из них им не полагается — это служит надежной защитой для общества, а также для семейной жизни. Разумные люди ведут себя как все, и если появляются сумасшедшие, их нетрудно распознать и избегать.

Соседские барышни и даже обитатели сельских хижин отдавали предпочтение Селии, всегда приветливой и невиннопростодушной, тогда как огромные глаза мисс Брук, подобно ее религиозности, были слишком уж необычными и странными. Бедняжка Доротея! По сравнению с ней Селия, какой бы невинно-простодушной она ни выглядела, была много более искушенной и опытной — ведь дух человеческий куда сложнее внешней оболочки, которая служит ему своего рода эмблемой или циферблатом.

Однако вопреки пугающим слухам те, кто оказывался в обществе Доротее, скоро убеждались, что она при всем том обладает редким очарованием. Мужчины находили, что в седле она обворожительна. Ей нравилось дышать воздухом полей и любоваться деревенскими видами, ее глаза радостно блестели, щеки розовели, и она совсем не походила на религиозную фанатичку. Верховая езда была удовольствием, которое Доротея разрешала себе, несмотря на укоры сове-

сти, твердившие ей, что удовольствие это языческое и чувственное, и потому она все время предвкушала миг, когда откажется от него.

Доротея была откровенной и пылкой натурой, менее всего склонной к самолюбванию: напротив, она искренне приписывала своей сестре достоинства, далеко превосходившие ее собственные, и если в Типтон-Грейндж являлся визитер, не торопившийся затвориться с мистером Бруком в его кабинете, она не сомневалась, что он влюблен в Селию, — например, сэр Джеймс Четтем, которого она постоянно оценивала с этой точки зрения, не в силах решить, следует ли Селии принять его предложение. Мысль о том, что предмет его внимания вовсе не Селия, а она сама, показалась бы ей нелепой. Как ни жадно стремилась Доротея познавать высокие истины, ее представления о браке оставались самыми детскими. Она была убеждена, что вышла бы за Прозорливого Гукера и спасла бы его от злополучного брака, доведись ей родиться в том веке. Или же за Джона Мильтона, когда его поразила слепота. Или же за любого из тех великих людей, чьи причуды требовали от жены поистине благочестивого терпения. Но любезный, красивый баронет, отвечавший «совершенно верно!» на любую ее фразу, даже когда она выражала недоумение, — как могла она отнестись к его ухаживаниям? Нет, безоблачно счастливым может быть только такой брак, когда муж более походит на отца и способен научить жену даже древнееврейскому языку, буде она того пожелает.

Наблюдая эти странности Доротеи, соседи еще больше осуждали мистера Брука за то, что он не подыскал в наставницы и компаньонки своим племянницам какую-нибудь почтенную даму средних лет. Но он так страшился тех наделенных воинственными добродетелями женщин, которые могли бы взять на себя подобные обязанности, что поддался уговорам Доротеи и против обыкновения нашел в себе мужество пойти наперекор мнению всего света — а вернее, мнению миссис Кэдуолледер, супруги приходского священника, и трех-четырёх помещичьих семей, живущих по соседству с ним в северо-восточной части Сельскшира. А потому мисс Брук вела дом своего дяди, и ей вовсе не были неприятны почетность нового ее положения и сопряженная с ним власть.

В этот день мистер Брук ожидал к обеду сэра Джеймса Четтема и еще одного джентльмена, которого сестры не знали, хотя Доротея

при мысли о знакомстве с ним испытывала почти благоговейную радость. Это был преподобный Эдвард Кейсобон, который славился в их краях необыкновенной ученостью и, по слухам, много лет готовил великий труд, имевший касательство к истории религии. К тому же богатство придавало особый блеск его благочестию и позволяло ему придерживаться собственных взглядов — сущность их должна была стать ясной после опубликования его труда. Даже самая его фамилия обладала особой внушительностью для тех, кто знал ученых богословов прошлых времен.

Утром Доротея, возвратившись из школы, которую она учредила для деревенских ребятишек, сидела в уютной гостиной, разделявшей спальни сестер, и чертила план какого-то здания (ей очень нравилась такая работа), когда Селия, уже несколько минут собиравшаяся с духом, вдруг сказала:

— Доротея, душечка, может быть, ты... если ты не очень занята... Может быть, мы переберем сегодня мамины драгоценности и поделим их? Сегодня исполнилось ровно шесть месяцев с тех пор, как дядя тебе их отдал, а ты так ни разу на них даже и не взглянула.

Лицо Селии приняло выражение досады — правда, легкой, потому что она сдерживалась, привычно побаиваясь Доротеи и ее принципов: стоило неосторожно задеть их, и мог возникнуть таинственный электрический разряд. К большому ее облегчению, Доротея посмотрела на нее с веселой улыбкой.

— Какой же ты, оказывается, точный календарик, Селия! Но ты имеешь в виду солнечные месяцы или лунные?

— Сегодня последний день сентября, а дядя отдал их тебе первого апреля. Он еще сказал тебе, что совсем про них забыл. А ты заперла их в бюро и, по-моему, ни разу о них не вспомнила.

— Но ведь нам все равно не придется их надевать, милочка, — ласково объяснила Доротея, чертя что-то карандашом на полях плана.

Селия покраснела и насушилась.

— Мне кажется, душечка, оставлять их без внимания — значит не проявлять должного уважения к памяти мамы. И к тому же, — добавила она, поколебавшись и подавляя вздох огорчения, — ожерелья теперь можно увидеть на ком угодно, да и мадам Пуансон, чьи взгляды были кое в чем строже твоих, надевала украшения.

И вообще христианам... уж, наверное, в раю немало женщин, которые в свое время носили драгоценности. — Когда Селия решалась спорить, она умела находить доводы, как ей казалось, весьма убедительные.

— Ты хотела бы носить их? — вскричала Доротея с драматическим удивлением, бессознательно подражая той самой мадам Пуансон, которая надевала украшения. — В таком случае, конечно, их надо достать. Почему ты мне раньше не сказала? Но ключи... где же ключи? — И она прижала ладони к вискам, тщетно напрягая память.

— Вот они, — перебила Селия, которая давно уже обдумала этот разговор и подготовилась к нему.

— Будь так добра, отопри большой ящик бюро и достань шка-тулку.

Вскоре шкатулка была открыта, и вынутые из нее драгоценности блестели и переливались на столе. Их было не так уж много, но некоторые пленяли глаз красотой и изяществом, особенно ожерелье из лиловых аметистов в ажурной золотой оправе и жемчужный крестик с пятью бриллиантами. Доротея тотчас взяла ожерелье и надела сестре на шею, которую оно охватило плотно, почти как браслет, но посадкой головы Селия несколько походила на королеву Генриетту-Марию, и этот обруч был ей очень к лицу, в чем она не замедлила убедиться, поглядев в зеркало напротив.

— Ну вот, Селия! Его ты можешь носить с платьем из индийского муслина. Но крестик надевай только с темными платьями.

Селия старалась согнать с губ радостную улыбку.

— Нет, Додо, крестик ты должна взять себе.

— Что ты, милочка, ни в коем случае, — ответила Доротея, пренебрежительно махнув рукой.

— Нет, возьми! Он очень тебе пойдет. Вот к этому темному платью, — настаивала Селия. — Уж его-то ты надеть можешь!

— Ни за что на свете. Я никогда не надену крест как пустое украшение. — Доротея даже вздрогнула.

— Значит, ты считаешь, что я поступлю дурно, если надену его? — смущенно спросила Селия.

— Вообще нет, милочка! — ответила Доротея, нежно потрепав сестру по щеке. — Ведь и у каждой души свой цвет лица — что идет одной, нехорошо для другой.

— Но, может быть, ты взяла бы его на память о маме?

— Нет, у меня есть другие мамини вещи. Ее сандаловая шкатулка, которую я так люблю. Ну, и еще... А это все твое, милочка, так что мы можем больше их не рассматривать. Ну-ка, забирай свою собственность.

Селия немного обиделась. Эта пуританская снисходительность была точно гордый взгляд сверху вниз, и младшую сестру, не пылавшую религиозным рвением, он задел не меньше самых строгих пуританских упреков.

— Но как же я буду надевать украшения, если ты, старшая сестра, никогда их не носишь?

— Ну это уж слишком, Селия, — просить, чтобы я нацепляла на себя побрякушки ради твоей прихоти. Если бы я надела такое ожерелье, у меня, наверно, все бы в глазах завертелось. Я даже шагу не смогла бы ступить.

Селия расстегнула застежку ожерелья и сняла его.

— У тебя на шее оно, пожалуй, не сойдется. Тебе нужно бы что-нибудь вроде длинной нитки бус с подвеской, — сказала она, словно оправдываясь. Оттого, что ожерелье во всех отношениях не годилось Доротее, у Селии стало легче на душе. Она открыла коробочки с кольцами, и луч солнца, выглянувшего из-за облаков, упал на прекрасный изумруд в розетке из бриллиантов.

— Как красивы эти камни! — сказала Доротея, поддаваясь новому чувству, столь же внезапному, как этот луч. — Странно, что цвета способны проникать в самую душу подобно ароматам. Наверное, потому-то в Откровении Иоанна Богослова драгоценные камни служат символами духовных сокровищ. Они похожи на осколки неба. По-моему, этот изумруд прекраснее всего остального.

— А вот браслет к нему, — сказала Селия. — Мы его как-то не заметили.

— Какая прелесть! — воскликнула Доротея, надев браслет и кольцо на точеное запястье и красивый палец и поднеся их к окну на уровне глаз. Все это время она внутренне подыскивала оправдание восторгу, который ощутила при виде игры драгоценных камней, и уже ощущала его как мистическую радость, даруемую религией.

— Но они же нравятся тебе, Доротея, — неуверенно сказала Селия, сбитая с толку таким неожиданным проявлением слабости

и думая, что изумруды самой ей пошли бы даже больше, чем лиловые аметисты. — Возьми их, раз уж ты ничего другого не хочешь. Хотя взгляни-ка на эти агаты — они очень хороши... и скромны.

— Да, я их возьму... то есть кольцо и браслет, — сказала Доротея и, опустив руку, добавила другим тоном: — Но как жалки люди, которые отыскивают эти камни, гранят их и продают!

Наступило молчание, и Селия решила, что Доротея все-таки будет последовательна и откажется от изумрудов.

— Да, милочка, я их возьму, — произнесла Доротея решительно. — А остальное бери ты, и шкатулку тоже.

Она уже снова держала в руке карандаш, но по-прежнему смотрела на драгоценности, которые не стала снимать, и думала про себя, что часто будет любоваться этими двумя крохотными средоточиями чистого цвета.

— А в обществе ты будешь их носить? — спросила Селия с большим любопытством.

Доротея бросила на сестру быстрый взгляд. Как ни украшала она мысленно тех, кого любила, порой она оценивала их с проницательностью, которая была сродни испепеляющему высокомерию. Если мисс Брук было суждено достичь совершенного смирения, то уж во всяком случае не из-за недостатка внутреннего огня.

— Может быть, — произнесла она надменно. — Я не берусь предсказывать заранее, как низко способна я пасть.

Селия покраснела и расстроилась. Она поняла, что обидела сестру, и, не решившись даже поблагодарить ее за подаренные драгоценности, быстро сложила их в шкатулку и унесла. Доротея продолжала чертить свой план, но и у нее на душе тоже было тяжело: она спрашивала себя, насколько искренни были ее побуждения и слова в разговоре, завершившемся этой маленькой вспышкой.

Что касается Селии, то совесть твердила ей, что она совершенно права: ее вопрос был вполне допустимым и естественным. А вот Доротея вела себя непоследовательно — она должна была бы взять свою половину драгоценностей либо, сказав то, что она сказала, вовсе от них отказаться.

«Я убеждена... то есть я полагаю, что не стану молиться меньше оттого, что надена ожерелье. И теперь, когда мы начали выезжать, мнения Доротеи для меня вовсе не обязательны, хотя для нее самой

они должны быть обязательными. Но Доротея не всегда последовательна...»

Так размышляла Селия, молча склоняясь над вышивкой, но тут сестра окликнула ее:

— Киска, пойди посмотри мой план. Я бы решила, что я великий архитектор, но только вот очаги и лестницы совершенно не вяжутся друг с другом.

Когда Селия наклонилась над листом, Доротея нежно прижалась щекой к ее локтю. Селия поняла, что скрывалось за этим движением: Доротея призналась, что была неправа. И Селия ее простила. С той поры как она себя помнила, Селия относилась к старшей сестре с робким благоговением, к которому примешивался скептицизм. Младшая всегда носила ярмо, но никакое ярмо не может помешать тайным мыслям.

ГЛАВА II



— Скажи, разве ты не видишь, что на встречу нам едет всадник на сером в яблоках коне и что на голове у него золотой шлем?

— Я ничего не вижу и не различаю, — отвечал Санчо, — кроме человека верхом на пегом осле, совершенно таком же, как мой, а на голове у этого человека что-то блестит.

— Это и есть шлем Мамбрина, — сказал Дон Кихот.

Мигель Сервантес, «Дон Кихот»

— Сэр Гемфри Дэви? — сказал за супом мистер Брук с обычной добродушной улыбкой, когда сэр Джеймс Четтем упомянул, что штудировать сейчас «Основания земледельческой химии» Дэви. — Как же, как же, сэр Гемфри Дэви. Много лет назад я обедал с ним у Картрайта. Там еще был Вордсворт — поэт Вордсворт, знаете ли. И престранная вещь! Я учился в Кембридже тогда же, когда и Вордсворт, но мы не были знакомы — и вот двадцать лет спустя я обедаю с ним у Картрайта. Пути судьбы неисповедимы. И там был Дэви. Поэт, как и Вордсворт. А вернее — тоже поэт. Что верно во всех смыслах слова, знаете ли.

Доротея чувствовала себя более неловко, чем обычно. Обед только начинался, общество было невелико, в комнате царила тишина, и эти обрывки бесконечных воспоминаний мирового судьи не могли остаться незамеченными. А такому человеку, как мистер Кейсобон, наверное, невыносимо слушать банальности. Его манеры, думала она, исполнены удивительного достоинства, а пышные седые волосы и глубоко посаженные глаза придают ему сходство с портретами Локка. Мистер Кейсобон был сухощав и бледен, как подобает ученому мужу, и являл полную противоположность типу полнокровного англичанина, воплощенному в сэре Джеймсе Четтеме, чьи румяные щеки были обрамлены рыжеватыми бакенбардами.

— Я читаю «Основания земледельческой химии», — продолжал милейший баронет, — потому что намерен сам заняться одной из моих ферм и посмотреть, нельзя ли улучшить ведение хозяйства и научить тому же моих арендаторов. Вы одобряете это, мисс Брук?

— Большая ошибка, Четтем, — вмешался мистер Брук, — пичкать землю электричеством и тому подобным и превращать коровник в дамскую гостиную. Ничего хорошего из этого не выйдет. Одно время я сам занимался наукой, но потом понял, что ничего хорошего из этого не выйдет. Она затрагивает все, и ничего нельзя оставить как есть. Нет, нет! Приглядывайте, чтобы ваши арендаторы не продавали солому и все такое прочее. И знаете ли, им нужна черепица для дренажа. Ну, а от вашего образцового хозяйства толку не будет. Одни только расходы. Дешевле завести свору гончих.

— Но разве не достойнее тратить деньги на то, чтобы научить людей как можно лучше использовать землю, которая их кормит, чем на собак и лошадей, чтобы просто по ней скакать? — сказала Доротея. — Нет греха в том, чтобы истратить даже все свои деньги на эксперименты во имя общего блага.

Она сказала это с воодушевлением, которое не вполне шло молодой девице, но ведь сэра Джеймса сам спросил ее мнение. Он часто это делал, и она не сомневалась, что сумеет подсказать ему немало добрых и полезных дел, когда он станет ее зятем.

Пока Доротея говорила, мистер Кейсобон глядел на нее с особым вниманием, точно увидев ее по-новому.

— Юные барышни, знаете ли, в политической экономии не разбираются, — сказал мистер Брук, улыбаясь мистеру Кейсобону. —

Вот помнится, мы все читали Адама Смита. Да уж, это была книга! Одно время я увлекался всякими новыми идеями. Способность человека к совершенствованию, например. Однако многие утверждают, что история движется по кругу, и это можно подкрепить весьма вескими доводами. Я сам находил их немало. Что поделаешь: человеческий разум может завести нас слишком далеко — в придорожную канаву, так сказать. Одно время он и меня занес довольно-таки далеко, но потом я увидел, что ничего хорошего из этого не выйдет. И я натянул поводья. Как раз вовремя. Но не слишком резко. Я считал и считаю, что в какой-то мере теоретические построения необходимы. Мы должны мыслить, или же мы вернемся во мрак Средневековья. Но кстати о книгах. Я теперь по утрам читаю «Испанскую войну» Саути. Вы знаете Саути?

— Нет, — ответил мистер Кейсобон, не поспевая за резвым разумом мистера Брука и имея в виду книгу. — Для подобной литературы у меня сейчас почти не остается досуга. К тому же последнее время я слишком утомлял зрение старинной печатью. По правде говоря, я предпочел бы пользоваться по вечерам услугами чтеца. Но я очень разборчив в отношении голосов и не выношу запинок и ошибок в чтении. В некоторых отношениях это большая беда. Мне надо слишком много черпать из внутренних источников, я постоянно живу среди мертвецов. Мой ум подобен призрак у какого-нибудь античного мужа, который скитается по миру, видит руины, видит перемены и мысленно пытается восстановить то, что было когда-то. Но я вынужден всячески беречь мое зрение.

Мистер Кейсобон впервые не ограничился кратким ответом. Он говорил четко и внятно, словно произнося публичную речь, и напевная размеренность его фраз, подкрепляемых легким наклоном головы, была особенно заметна по контрасту с путанным порханием добрейшего мистера Брука. Доротея подумала, что мистер Кейсобон — самый интересный человек из всех, кого ей доводилось слышать, не исключая даже мосье Лире, лозаннского священника, который читал лекции по истории вальденсов. Воссоздать древний забытый мир — и несомненно, во имя высочайших велений истины! Ах, быть причастной к подобному труду, пусть в самой смиренной роли, помогать, хотя бы просто заправляя лампу! Эта возвышенная мысль даже рассеяла досаду, вызванную насмешли-

вым напоминанием о ее неосведомленности в политической экономике — неведомой науке, которую пускали в ход как гасильник, стоило ей загореться какой-то мечтой.

— Но вы же любите ездить верхом, мисс Брук, — сказал сэр Джеймс, спеша воспользоваться удобным случаем. — А потому мне казалось, что вы пожелаете познакомиться и с удовольствиями лисьей травы. Может быть, вы согласитесь испробовать моего гнедого? Он приучен ходить под дамским седлом. В субботу я видел, как вы ехали по склону холма на лошадке, которая вас недостойна. Мой грум будет приводить вам Коридона каждый день, скажите только, какой час вам удобен.

— Благодарю вас, вы очень любезны. Но я больше не намерена ездить верхом. Никогда! — воскликнула Доротея, приняв это внезапное решение главным образом под влиянием досады на сэра Джеймса, который искал ее внимания, когда оно было всецело отдано мистеру Кейсобону.

— И напрасно, поверьте мне, — сказал сэр Джеймс с упреком в голосе, выдававшим искреннее чувство. — Ваша сестра слишком сурова к себе, не правда ли, — продолжал он, повернувшись к Селии, которая сидела справа от него.

— Да, пожалуй, — ответила Селия, опасаясь рассердить Доротею и заливаясь прелестным румянцем до самого ожерелья. — Ей нравится во всем себе отказывать.

— Будь это правдой, Селия, следовало бы говорить не о суровости к себе, а о потакании своим желаниям. И ведь могут быть очень веские причины не делать того, что доставляет удовольствие, — возразила Доротея.

Мистер Брук сказал что-то одновременно с ней, но она видела, что мистер Кейсобон смотрит не на него, а на нее.

— Совершенно верно, — подхватил сэр Джеймс. — Вы отказываете себе в удовольствиях из каких-то высоких, благородных побуждений.

— Нет, это не совсем верно. Ничего подобного я о себе не говорила, — ответила Доротея, покраснев. В отличие от Селии она краснела редко и только когда очень радовалась или очень сердилась. В эту минуту она сердилась на нелепое упрямство сэра Джеймса. Почему он не займется Селией, а ее не оставит в покое, чтобы она могла слушать мистера Кейсобона? То есть если бы мистер Кейсобон говорил